

УДК 392.3:159.953 + 316.356.2 + 929.52(470.322)

Андрей Александрович Линченко

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал,
Липецк, Россия*

E-mail: linchenko1@mail.ru

«Мы сами — время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти

Часть I

На основе результатов анализа нарративных интервью трех поколений жителей г. Липецка в данной статье были осмыслены особенности репрезентации семейного времени, хронологии и периодизации, а также основные типы событий семейной истории. Способы конструирования времени и событийности были проанализированы в контексте культурных практик повседневной жизни, осознаваемых как традиции труда, быта и досуга. На основе биографического метода Фритца Шютце были выявлены положительные и отрицательные кривые биографических рассказов, которые были сопоставлены с «семейными сценариями», репрезентированными в нарративах липчан. Фактор возраста продолжает играть решающее значение как для особенностей динамики времени в семейной памяти, так и для хронологии и периодизации событий семейной памяти. Было выявлено, что наличие в семейной памяти мифологизированных упоминаний о высоком социальном статусе предков оказывалось важным фактором расширения темпоральных границ, а также способствовало усилению роли и значения «исторического фона» семейной хронологии во всех возрастных группах. На материалах интервью были проанализированы особенности «поколенческой периодизации», а также подтвержден вывод Г. Вельцера о явлении «кумулятивной героизации» как важного фактора структурирования семейной темпоральности.

Ключевые слова: семейная память, нарративное интервью, биографический метод, семейная темпоральность

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-011-00297.

Для цитирования: Линченко А. А. «Мы сами — время»: динамика времени и смысл прошлого в нарративах семейной памяти. Ч. 1 // *Tempus et Memoria*. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 53–67.

Поступила в редакцию: 31.08.2020

Принята к печати: 30.10.2020

Andrej A. Linchenko

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch,
Lipetsk, Russia*

“We are the Time”: the Dynamics of Time and the Sense of the Past in the Narratives of the Family Memory Part I

Based on the results of the analysis of the narrative interviews of three generations of residents of the city of Lipetsk, this article comprehended the features of the representation of family time, chronology and periodization, as well as the main types of events in family history. The methods of constructing time and eventfulness were analyzed in the context of cultural practices of everyday life, perceived as traditions of work, everyday life and leisure. On the basis of the biographical method of Fritz Schütze, positive and negative curves of biographical stories were identified, which were compared with the “family scenarios” represented in the narratives of the people of Lipetsk. The factor of age continues to play a decisive role both for the characteristics of the dynamics of time in family memory and for the chronology and periodization of events in family memory. It was found out that the presence of mythologized references to the high social status of ancestors in family memory was an important factor in expanding the temporal boundaries and it also contributed to the strengthening of the role and significance of the “historical background” of family chronology in all three age groups. On the basis of the interview materials, the features of “generational periodization” were analyzed, and the conclusion of Harald Welzer about the phenomenon of “cumulative heroization” as an important factor in the structuring of family temporality was confirmed.

Key words: family memory, narrative interview, biographical method, family temporality

For citation: Linchenko, A. A. (2020). «My sami — vremya»: dinamika vremeni i smysl proshlogo v narrativakh semeinoi pamyati. Chast' I [“We are the Time”: the Dynamics of Time and the Sense of the Past in the Narratives of the Family Memory. Part I]. *Tempus et Memoria*, 1, 1–2, 53–67.

Submitted: 31.08.2020

Accepted: 30.10.2020

Несмотря на то что семейную память вряд ли можно назвать малоисследованным феноменом, семейное прошлое продолжает оставаться в фокусе как общественного, так и научного внимания. В современной российской общественной жизни на это прямо указывает популярность акции «Бессмертный полк», которая стала не только одним из рупоров официальной политики памяти в России [7], но и явно свидетельствует о нарастании тенденции роста партикулярных версий исторической памяти [3]. Растет интерес к семейным коммеморациям и за рубежом, что связано не только с трансформацией самого института семьи и способов ее идентификации. Речь также идет о глубокой трансформации самого коммеморативного пространства, когда коллективные воспоминания оказываются в новом и быстроизменяющемся социальном

контексте. И здесь мы говорим в первую очередь о глобальных миграциях, а также о развитии интернет-коммуникаций. Глобальные миграционные процессы способствуют разрушению сложившихся социокультурных рамок семейной памяти, помещая их в трансграничное пространство и межкультурный обмен. Интернет-среда способствует изменению процесса передачи семейного опыта, поскольку делает его в большей степени публичным. В этой связи особую актуальность приобретает изучение проблем динамики семейной памяти.

Актуальность темы семейных воспоминаний связана также и с теми тенденциями, которые оказались заметны в последние годы в рамках международного направления исследований *memory studies*. В современной литературе данные тенденции получили

наименование «третьей волны *memory studies*» [11, 21, 25]. Патрик Хаттон дает нам развернутое описание специфики каждой из «волн»: «Первая волна в конце XIX в. была научной и ориентировалась на индивида. В ее центре лежала психологическая сфера. Вторая волна сформировалась к концу XX в. Она была ближе искусству памяти, но ориентировалась в основном на социальные рамки. Ее основной сферой распространения стала историография. Третья волна распространяется с начала XXI в. и ориентируется на культурные последствия медиатехнологий. В ее центре оказываются исследования коммуникаций» [25, 177]. Комментируя тезисы Патрика Хаттона, отечественный исследователь Федор Николаи дополняет: «Исследователей все чаще интересуют не отдельные точки ("места памяти"), но общая топология этого пространства, его движущие силы и динамические эффекты, определяющие растущую пролиферацию культурных практик и смену режимов соотношения жизненного опыта и медиарепрезентаций» [11, 371]. В этой ситуации семейная память как раз оказывается ярким примером трансформации исследовательской оптики, которая, как указывает Астрид Эрл, актуализирует транспоколенческую, транснациональную и медиаперспективы [22, 303]. Именно эти перспективы затрагиваются в недавних отечественных и зарубежных исследованиях семейной памяти, которые особое место уделяют медиальным функциям фотографии [23, 26, 28, 13, 15, 3], семейных музеев [10], а также транспоколенческой коммуникации [14, 20, 27].

Изучение динамики семейной памяти в транспоколенческой перспективе имеет несколько ракурсов. Речь может идти о хорошо зарекомендовавшем себя аспекте изучения трансформации ценностей и практик коммеморации [8, 14, 28]. Еще одним фокусом, позволяющим лучше понять особенности динамики семейной памяти, оказывается изучение самого ритма и специфики семейной темпоральности. Как видится, подобная темпоральность особым образом соотносится с социальными временем (большая история, история региона, история города), имеет свою хронологию и периодизацию. Речь также идет о неравномерности описания эпох семейной

истории, особенностях осмысления событийности семейной истории и осознания преемственности с семейной традицией. И здесь, с одной стороны, предельно важной оказывается именно поколенческая перспектива, а с другой — те дискурсивные практики, и в первую очередь медийная среда, которые становятся своеобразным «фоном» трансформации семейных коммемораций. Именно специфика семейной темпоральности и ее трансформация в транспоколенческой перспективе в контексте регионального медийного дискурса и стала предметом нашей статьи.

В 2018–2019 гг. в городе Липецке нами было собрано и обработано 50 интервью. Респондентам в трех возрастных группах (16–30, 30–50, 50–80 лет) предлагалось рассказать о своей семье и ее истории в форме открытого интервью. Первая возрастная группа была представлена 17 интервью (9 — мужчины, 8 — женщины); вторая возрастная группа — 20 интервью (7 — мужчины, 13 — женщины); наконец, третья возрастная группа была представлена 13 интервью (4 — мужчины, 9 — женщины). Только по завершении основной части был задан ряд уточняющих вопросов об обстоятельствах знакомства с семейной историей, о наиболее важных и значимых событиях истории семьи, семейных традициях, связанных с трудовой деятельностью, бытом и формами отдыха семьи в прошлом и настоящем. В данном исследовании нас интересовала не только репрезентация исторических событий в представлении липчан, но и культурные практики семейной памяти, воспроизводимые ими в контексте их повседневной жизни и осознаваемые как традиции труда, быта и досуга. В контексте данных практик мы и стремились рассматривать специфику семейной темпоральности и осмысление преемственности семейных коммемораций. Вместе с тем динамика семейного времени была рассмотрена нами также в контексте регионального дискурсивного пространства (медиасреда), актуализирующей определенную смысловую направленность нарративов семейной памяти. В данной статье остановимся подробнее на особенностях динамики времени в нарративах семейной памяти, хронологии и периодизации семейных историй.

Нарративное пространство семейной памяти: выбор методологии

Отечественный исследователь Л. Ю. Логунова дает следующее определение семейной памяти: «...Программа восприятия, воспроизведения, сохранения и передачи социального наследия, сложившаяся в сознании человека как репрезентант сложнейшей социальной системы родства — свойства, являющегося базовой матрицей по отношению ко всем остальным общественным отношениям. Память «окрашивает» их чувствами, мифологизирует и трансформирует, передается потомкам в виде семейных историй, легенд. В последующих поколениях это закрепляется в своеобразии ментальных характеристик общности» [9, 18]. Вместе с тем тот же автор указывает на вплетенность актов семейной коммеморации в практики повседневной жизни семьи, отмечая, что «пространство родства определяет специфику структуры семейно-родовой памяти; событийность жизненных ситуаций фиксируется семейно-родовой памятью в зависимости от социальных позиций родственной группы, инвариантности частных практик и жизненных стратегий в разных исторических и поселенческих ситуациях» [Там же, 31]. Формой актуализации данного практического опыта, в свою очередь, является нарратив, который придает семейным коммеморациям смысловое измерение, актуализируя одну часть прошлого семьи и выстраивая различные фигуры умолчания в отношении других страниц семейной памяти. В этой связи российские исследователи говорят об уместности нарративного поворота в исследованиях семейной памяти [1, 21], а также выделяют несколько этапов в исследовании нарративного измерения семейных коммемораций. Если в начале 1980-х гг. предметом изучения становились сами нарративы семейной памяти, а с начала 1990-х гг. — семейные истории, то в 2000-х гг. исследователи сместили фокус на процессы рассказывания историй [4].

Важно понимать, что сам процесс рассказывания семейных историй всегда осуществляется из перспективы одного из членов семьи, выступающего в роли рассказчика. В данном случае мы будем понимать под семейными

историями совокупность рассказов о прошлом семьи, объединенных определенным сюжетом, актуализирующим отдельные когнитивные, ценностные и практические аспекты семейной памяти. Семейная история оказывается своеобразной биографией семьи, рассказываемой из перспективы биографии ее отдельного человека. Это означает, что оборотной стороной семейной памяти является память автобиографическая. Как известно, под автобиографической памятью понимают «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, определяющих самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта» [13, 19]. В нашей литературе проблемы применения биографического метода в социологии получили обстоятельное исследование в работах В. Ф. Журавлева [5], Е. Ю. Рождественской [16], О. И. Зевелевой [6]. Важную роль в этой связи играет нарративная идентичность рассказчика. Она отражает способность к саморефлексии и занятие определенной позиции по отношению к самому себе. Е. Ю. Рождественская отмечает, что концепт «нарративной идентичности» актуализирует вопрос «о качественной идентичности — о приписываниях и предикатах, с которыми индивид себя определяет, о его характеристиках, диспозициях, групповых принадлежностях, ролях, оценках», а также вопрос «о единстве личности в смысле непрерывности и когеренции/связности (внутренней согласованности)» [16, 84]. Именно поэтому, анализируя интервью рассказчиков, мы постарались использовать методологический опыт изучения автобиографических нарративов в перспективе интерпретации семейной биографии.

Одним из наиболее известных методов исследования биографических рассказов, не потерявших актуальность в современных условиях, является методология Фритца Шютце. Он интерпретирует биографический рассказ, записываемый в процессе нарративного интервью в качестве концептуально единого [30]. Интервьюер не прерывает рассказчика, позволяя ему выстроить сюжет рассказа в свободной форме. Лишь в завершение

интервью рассказчикам предлагается ответить на ряд уточняющих вопросов («фаза нарративных вопросов»). Ключевая цель методологии Ф. Шютце состоит в соотнесении истории жизни информанта с его субъективной интерпретацией, что становится возможным посредством сопоставления процессуальных структур: интенциональных процессов (жизненные цели носителя биографии, предпринятые им действия в процессе преодоления сложных жизненных ситуаций), институциональных образцов (предписанные правила поведения со стороны семьи, образовательной системы, профессионального круга) и кривых течений (динамика идентичности в целом).

Е. Ю. Рождественская в отношении идей Ф. Шютце отмечает, что кривые течения в биографическом анализе могут иметь положительное (восходящие в прогрессии, путем установления новых социальных позиций открывают новые пространственные возможности для действий и развития личности носителя биографии) и отрицательное (нисходящие в прогрессии, они ограничивают пространство возможных действий и развития носителя биографии в ходе особого наслоения условий действий, которые не могут контролироваться самим носителем биографии) значения. По ее мысли, «идентичность биографанта не совпадает по ритму с процессуальными структурами течения жизни, поскольку поиск, придание смысла биографии становятся возможными по мере смены жизненных позиций, отодвигания в прошлое ситуаций, формирования к ним временной дистанции» [16, 114]. Соответственно в биографическом нарративе «рассказывающее Я» представляет свое прошлое, то есть «рассказанное Я», выступая в качестве «вспомненного носителя действий».

Важность биографического метода Ф. Шютце для изучения нарративов семейной памяти связана еще и с тем, что описанные им положительные и отрицательные кривые рассказов могут быть соотнесены с понятием «семейный сценарий», которое отражает направленность и функцию высказываний о семейной истории [29]. На широкий смысл понимания «семейных сценариев» как поведенческой модели указывал еще Пол Томпсон, когда говорил о них как о своеобразной форме

передачи семейной традиции, которая может быть как позитивной, так и негативной, и приводил случай из семьи Бингов, один из предков которых был расстрелян за трусость. «С тех пор во всех поколениях в семье Бингов мужчины стремились показать, что они ни в коей мере не являются трусами, — именно такой приговор был вынесен их легендарному предку» [17, 140]. Интерпретацию «семейных сценариев» в узком смысле находим в работе Д. М. Хьюзман, которая отождествляет их с моделями семейного рассказа, ведущими паттернами семейных историй. Она говорит о нескольких наиболее повторяющихся паттернах: «Мы преодолеваем трудности благодаря любви и поддержке», «Мы гордимся историей нашей семьи», «У нас есть семейные ритуалы», «У нас в семье следуют гендерным ролям», «Мы жизнестойкие», «Мы религиозны» [24].

Принято считать, что оборотной стороной темпоральности является событийность. Это означает, что динамика времени в семейной памяти разворачивается через сложное переплетение исторических событий, выступающих «внешним фоном» семейной истории, и событий, в которых члены семьи принимали самое непосредственное участие или же являлись их творцами. Анализ событийного плана личной биографии в контексте психологических позиций участника, свидетеля, современника, наследника уже предпринимался в отечественных исследованиях [12]. На наш взгляд, данные типы психологических позиций в отношении личного опыта могут быть продуктивно использованы и в контексте семейных биографий, поскольку сами исторические события с позиций современной исторической науки интерпретируются как «динамичные темпоральные конструкции». Отмечается, что «событие имеет также собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто это событие проживал. Все вместе погружено в историко-культурный контекст, имеющий свое прошлое, собственную форму настоящего и определенное видение будущего, присущее тем, кто это событие приветствует или отрицает» [18, 431]. После данных методологических пояснений обратимся к результатам нашего исследования.

Время и его динамика в нарративах семейной памяти

Анализируя семейные рассказы трех поколений жителей липчан, мы в первую очередь стремились понять, каким образом при переходе от одного поколения к другому изменяется взаимоотношение между социальным временем (семейный опыт, структурированный событиями большой истории, истории региона и города) и временем семьи (последовательность событий семейной истории).

Результаты анализа интервьюирования младшей группы респондентов (16–30 лет) показали сильное доминирование времени семьи над историческими событиями региона и страны. Только в пяти случаях из семнадцати представители липецкой молодежи отметили важное значение событий «большой истории» в жизни семьи, придавая семейной хронологии исторический масштаб. Лишь в одном случае мы зафиксировали отсутствие в рассказе какой-либо определенной направленности времени, проявляющей себя в последовательности этапов семейной истории. Основным событием, в контексте которого рассказчики сообщали о своих предках, явились события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а в двух случаях речь также шла об эпохе сталинских репрессий. Было ожидаемо, что данные рассказы хронологически совпадали по времени с молодостью бабушек и дедушек, т. е. были актуальны в пределах коммуникативной памяти (по терминологии Яна Ассмана). Любопытно, что в трех интервью рассказчики вышли за рамки XX в. и начинали рассказ с событий XIII, XVIII и XIX вв. Более того, во всех трех случаях было отмечено, что молодые люди причисляли себя к потомкам дворянских родов, внутренне организуя нарратив в качестве одного из гипертекстов. Характерно, что данный гипертекст в одном из интервью создавал изначально негативную рамку оценки советских событий, поскольку напрямую отождествлял кризис рода с действиями советской власти. Интервью одного из респондентов начинается со следующих слов: *«Корни моей семьи начинают происходить с XIII века. Именно фамилия Морозов в принципе уже идет от боярского рода, то есть знатный боярский род. Также еще параллельно уже с XVII века дворянский род*

Кириловых начинает тоже поднимать свою силу. К сожалению, оба этих рода при становлении советской власти потеряли свою власть, потеряли свое имущество» (Филипп, 20 лет, студент).

Обращение к интервью, собранным в возрастной группе от 30 до 50 лет, показало несколько иную картину. Несмотря на то что рассказчики в основном описывали события семейной истории, в восьми из двадцати интервью мы столкнулись с определенным балансом между социальным временем и временем семьи. Еще в двух случаях события семейной истории были полностью вписаны в исторические события, что позволяло говорить о доминировании социального времени над семейным. Вместе с тем выявленный баланс социального и семейного времени или доминирование первого вовсе не означал, что рассказчики в большей мере повествовали о крупномасштабных исторических событиях в ущерб семейной истории. В процессе обработки данных интервью все более явственным становилось возрастание значения исторических событий как важного и актуального фона динамики семейной хронологии и семейного времени.

Исторические события оказывались также причиной положительных и трагических страниц семейной истории, создавая полноценное ощущение нахождения в рамках истории страны, взгляд на которую рассказчики вели из перспективы семейной памяти. Показательны в этом смысле три интервью, каждое из которых может быть рассмотрено как пример положительной интерпретации семейного прошлого. В первом случае общий гипертекст интервью мы могли бы озаглавить так: *«Мы гордимся нашей семьей»*. Второе интервью в большей мере отсылает к заглавию *«Мы были как все»*, а третье мы могли бы озаглавить фразой *«Надо верить в позитивное»*.

В первом интервью рассказчик, говоря о вехах семейной истории, напрямую связывает их с историей советского времени, где даже объяснение действий персонажей семейной истории напоминает официальный исторический нарратив: *«История бабушек, дедушек уходит корнями в Воронежскую и Курскую губернии. Их детство и юность пришлось на бурные годы становления молодой Советской республики. Эх,*

таких, как они, называют ровесниками Октября. Это отразилось на всей их дальнейшей судьбе. Они выросли вместе со страной в бурно меняющемся мире. Один мой дед, Василий Иванович, по путевке ВЛКСМ пошел служить в органы государственной безопасности и практически всю жизнь посвятил борьбе с врагами молодого советского государства. Встретив Великую Отечественную войну 22 июня 1941 года начальником заставы, он прошел всю войну до Победы и также продолжил войну с националистами УПА в Западной Украине вплоть до 1952 года. С теми националистами, которые в современной Украине вознесены в настоящее время до героев. <...> Бабушка также в годы войны трудилась на благо победы и отмечена государством как труженник тыла» (Андрей, 46 лет, работник НЛМК).

Во втором интервью мы сталкиваемся с многочисленными умолчаниями, которые возникают либо в процессе упоминания негативных качеств старших родственников, либо касаются сталинских репрессий: «Отец у меня родился в двадцать седьмом году другого столетия. Мать тоже в двадцать седьмом году другого столетия. Отец — уроженец Липецкой области, село Трубетчино. Мать — уроженка Саратовской области. По национальности отец у меня русский. Мать по национальности — немка. Естественно, бабушки, дедушки с той стороны тоже были немцы. У отца родители были русскими. Дед мой был директором Трубетчинского сахарного завода, как при капиталистах, так и при коммунистах. Дед — многоженец. Мой отец — от третьего брака. В девяносто шесть лет он пошел за грибами и не вернулся. Со стороны матери история очень сложная. В сорок втором году — репрессии. Пятьдесят восьмая статья. Красноярский край. Поселок Туруханск» (Валерий, 44 года, отставной летчик). Далее рассказ обрывается и рассказчик резко меняет тему.

В третьем случае рассказчица, отмечая в самом начале повествования свою готовность «рассказать уже историю своей семьи, а не только историю своих родителей или бабушек, или дедушек», практически весь свой рассказ посвящает собственной биографии, трудности которой напрямую связываются с распадом СССР, реалиями жизни в постсоветском Узбекистане и необходимостью переезда в Россию.

Ключевой гипертекст ее рассказа составляет развертывание смысловой линии «Я – советский человек». Это особенно проявилось в нескольких отсылках к негативной оценке событий распада СССР и потребности в «единой стране» (Инна, 50 лет, продавец в столовой). В этой связи как персональный, так и семейный опыт встраиваются ею в рамку хронологии макрополитических событий советского и постсоветского времени. Как и в случае молодежи, в данной возрастной группе было выявлено доминирование событий Великой Отечественной войны в качестве наиболее упоминаемых в ситуациях повседневной жизни рассказов.

При обращении к интервью старшей возрастной группы (50 лет и старше) нами также был выявлен баланс социального времени и времени семьи. Как и в возрастной группе 30–50 лет, рассказчики вписывали семейные события в исторический контекст, показывая вехи семейной истории на фоне событий истории страны. Однако их существенным отличием является большая степень персонализации времени. Другими словами, время семьи, отраженное в биографиях их многочисленных родственников и друзей, подробно описывается в контексте событий истории России XX в. В двух биографиях мы столкнулись с тем, что недостаток информации о событиях семейной истории сознательно компенсировался респондентами из источников культурной памяти. В первом случае речь шла о биографии бабушки рассказчика, воевавшего с белогвардейцами в Забайкалье в годы Гражданской войны. Характерно, что, рассказывая историю семьи, респондент практически полностью пересказывает главу книги, изданной в советское время, посвященную биографии его отца (Иван, 81 год, пенсионер). В другом случае респондент, рассказывая об истории репрессированного отца, сообщает о недостатке информации и использует образы известного фильма Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего» (Александр, 61 год, охранник). Примечательно, что только в одном из тринадцати интервью в этой возрастной группе мы не обнаружили стремления к взаимосвязи истории семьи и исторической эпохи.

Доминирующим событием «исторического фона» во всех трех возрастных группах явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Только в семи интервью из тринадцати в возрастной группе старше 50 лет были обнаружены упоминания о послевоенном времени и событиях распада СССР. Характерно, что всего в шести интервью из двадцати в возрастной группе 30–50 лет мы смогли обнаружить упоминания о послевоенном советском времени и только в трех случаях — отсылки к событиям распада СССР.

Вторым по значимости элементом присутствия «исторического фона» в семейной памяти явились даты рождения рассказчиков и их старших родственников. При этом стремление называть дату рождения старших родственников в большей мере было характерно для средней и старшей возрастных групп. Данный факт для нас важен, поскольку в интервью молодых липчан мы обнаружили всего четыре упоминания о датах рождения старших родственников, в то время как в возрастной группе старше 50 лет только в одном интервью респондент не стал называть каких-либо дат. Сходная ситуация наблюдалась и в контексте упоминаний об именах старших родственников и о представителях семейной истории. Как и в случае с датами, только в трех интервью молодежной группы мы обнаружили упоминания об именах старших родственников и предков. В то же время в возрастной группе 30–50 лет лишь в четырех интервью мы не обнаружили упоминаний имен, а в возрастной группе старше 50 лет только в одном уже упоминавшемся интервью с нисходящей кривой рассказа мы не встретили ни одного имени.

Вехи семейной памяти: хронология и периодизация

Специфика семейной темпоральности также может быть проанализирована в контексте той начальной точки семейной хронологии, которая возникает во время повествования. С одной стороны, такая начальная точка свидетельствует о глубине знаний о семейном прошлом, а с другой стороны, она внутренне организует саму периодизацию этапов семейной истории.

Обращаясь к выводам по молодежной группе наших респондентов, можно уверенно утверждать, что большинство респондентов

таковой точкой избрали рождение своих родителей и только в пяти случаях — рождение бабушек и дедушек. Их рассказы, по мнению молодых липчан, явились наиболее важными источниками знаний о семейной истории, что было зафиксировано в абсолютном большинстве интервью. Данный факт был ожидаем и вполне объясняется влиянием коммуникативной памяти. Лишь в трех интервью нами был обнаружен выход рассказчиков за пределы XX в., что связывалось с «дворянскими корнями» и «видным происхождением рода».

Сходная ситуация в этой связи была выявлена в процессе обработки и анализа интервью возрастной группы 30–50 лет. Говоря о событиях рождения бабушек и дедушек, респонденты в данной возрастной группе обращались к событиям начала XX — конца XIX в. В данном случае речь шла о старшем поколении, что соответственно отодвигало границы хронологической начальной точки рассказа. Показательно, что только в трех случаях мы встретили упоминания, выходящие за границы XX в. В двух из них речь шла просто о датах рождения прабабушек и прадедушек, относящихся к XIX столетию. Любопытен третий случай, когда рассказчица упоминает о своей принадлежности к древнему купеческому роду. Характерно, что именно высокое купеческое положение запускает основной гипертекст рассказа об истории данной семьи: *«Историю своей семьи я хочу начать рассказывать, наверное, со своей прабабушки. Ее род начинается с древнего купеческого рода Харькиных. Жили они в Усманском районе, деревня Пластинки. Раньше там были очень большие сады, которые принадлежали их семье. Моя бабушка очень гордилась тем, что она тоже имеет причастность к этому роду. Во время войны бабушкину бабушку, получается, раскулачили за счет того, что требовались большие налоги. Сады вырубил, статуса дворянства лишили. Но они все равно не забывали об этом»* (Марина, 35 лет, парикмахер).

Говоря о начальной точке семейной хронологии в возрастной группе 50 лет и старше, необходимо указать на увеличение самой глубины исторических воспоминаний. В силу возрастных особенностей представители старшей возрастной группы посвящали значительную часть рассказа своим ушедшим старшим

родственникам, друзьям и современникам, что способствовало расширению именно исторического контекста событий, охвату всех основных этапов истории страны на протяжении XX в. Тем не менее, несмотря на возрастание глубины исторических воспоминаний, анализ интервью показывает тождество рассказов данной группы с младшими возрастными группами. Это тождество связывает начало повествования со временем жизни бабушек и дедушек рассказчиков, подтверждая мысль Я. Ассмана о недолговечности коммуникативной памяти. Сходной оказалась и тенденция к выстраиванию основного гипертекста интервью вокруг семейного мифа о «родовитом происхождении». Так, один из респондентов начинает свой рассказ с описания, где, используя девичью фамилию матери, неожиданно соскальзывает к описанию истории промышленников Демидовых как важной части собственной семейной истории: *«Родился я в семье рабочей, крестьянской. Мать у меня из деревни. В Орловской области родилась. Когда ей исполнилось двадцать лет, она уехала в Липецк. Там у них ходит легенда. Фамилия мамы девичья — Демидова. А легенда ходит, еще в петровские времена, когда был царь Петр I, были такие купцы Демидовы. Они поехали на Урал. Урал — это где Уральские горы. И нашли там железные руды и построили много заводов. Они стали богатыми. Стали выплавлять и чугун, и сталь, и медь. Продавали государству и разбогатели. Недаром есть такое название: “демидовские заводы”. И вот ходит легенда, что мамин род — Демидовых. Да. Она приехала в Липецк, вышла замуж, и фамилия другая стала»* (Владимир, 53 года, рабочий).

Изучение особенностей семейной темпоральности не может обойти стороной вопрос о периодизации семейной истории в разных возрастных группах. Доминирующей тенденцией в данном случае явилось стремление к своеобразной «поколенческой периодизации», когда основные этапы семейного рассказа структурировались в соответствии со сменой поколений. Только в пяти интервью молодых людей нами были выявлены попытки соотнесения семейной динамики с ключевыми событиями отечественной истории прошлого столетия и только в трех уже упоминаемых случаях — с историческими событиями предшествующих

веков. Совершенно не удивителен тот факт, что большинство рассказчиков из числа молодежи являли попытки периодизации семейной истории в интервале конца 1980–2000-х гг. Применительно к их интервью вопрос состоял только в том, какая секвенция находилась на первом месте — пассажи текста о родителях или рассказы о своих детских воспоминаниях.

Характерно, что уже следующая возрастная группа в большей мере стремится к периодизации семейной истории в контексте основных этапов истории страны. Так, в группе 30–50 лет более половины интервью не только описывали смену поколений, но и связывали эти поколения с важнейшими историческими событиями в истории страны. Данная ситуация была для нас волне ожидаемой и уже фиксировалась исследователями [14]. Ключевой причиной в данном случае выступает собственный персональный опыт респондентов, ставших свидетелями и участниками исторических событий последних десятилетий в нашей стране. Не менее любопытно, что в трех интервью опыт советской истории не только соотносился с периодизацией биографии семьи, но и рассматривался как предмет ностальгии. Это позволяло увидеть в нарративах очень явный смысловой водораздел между временем до 1991 г. и после. В двух интервью это нашло отчетливое выражение в стремлении рассматривать советское время как *«тогда было строго»* (Светлана, 45 лет, уборщица), как время, когда *«была единая страна»* (Инна, 50 лет, продавец в столовой). Однако наиболее интересно третье интервью, где ностальгия по советскому времени связывается не только с эпохой, но и непосредственно с образом бабушки, а также характеризуется как время, когда *«семья были большими»* (Ирина, 50 лет, администратор). В данном случае мы столкнулись с интервью с нисходящей кривой, основной гипертекст которого мог бы быть обозначен слоганом «Мельчает семья». Анализ интервью Ирины показал, что интерпретационные усилия («теория информанта»), предпринимаемые Ириной по представлению семейной истории, лишь в относительной степени совпадают с реальными процессами биографии семьи. Интенциональные процессы, реализуемые семьей как субъектом жизненных изменений, не позволяют преодолевать

институциональные ограничения, которые напрямую связываются с крахом Советского Союза. Биография семьи в интерпретации рассказчицы предстает как нисходящий процесс, важнейшим маркером которого оказывается «измельчание семьи» — снижение количества детей и опасения рассказчицы за ее будущее. Характерно, что последнюю секвенцию своего рассказа Ирина посвящает теме ее семьи в современном мире. В отличие от других секвенций, разворачивающих рассказы о родителях, бабушке, дальних родственниках, последняя секвенция является не только самой большой, но и превосходит все остальные по числу описаний и аргументаций. Не менее любопытно, что, перед тем как рассказчица обозначает коду своего повествования, она преподносит нам сразу несколько аргументаций, отражающих один из гипертекстов, посвященных ее опасениям за будущее семьи в контексте ностальгии по советскому времени.

Тенденция к усилению роли исторического фона при описании событий семейной истории в еще больше мере проявилась в процессе обращения к интервью самой старшей возрастной группы (50 лет и старше), где только в одном интервью из тринадцати мы не обнаружили упоминаний, связанных с какими-либо конкретными историческими событиями. Центральное значение в рассказах липчан данной возрастной группы также занимает «поколенческая хронология», которая, однако, в силу богатого жизненного опыта рассказчиков, в буквальном смысле обрастает историческими событиями и вплетается в вехи истории России конца XIX — первой половины XX в. Вполне ожидаемым было и то, что их рассказы рисовали картину многочисленных родственников, создавая наполненное историческими событиями описание жизни большой семьи в нескольких поколениях. Показательным является следующий эпизод рассказа: *«Мама рассказывала мне всю историю нашего рода. В общем, она родилась от Игнатовых еще, по материнской линии, и Лысенкова, по отцовской линии. В общем, их было семь человек детей у мамы, было пять братьев и две сестры. А вот дедушка ее Николай Васильевич — это ее прадед. У прадеда было два сына, Ефан и Иван. Вот у Ивана, у которого мама родилась, было семь человек, а у Ефана был только один. Ефана*

забрали в Первую мировую, и он там погиб. От него остался сын Петр, который участвовал в Первой мировой войне и погиб там. Был командир какого-то, в общем, не знаю, но командный состав был. Погиб. От него пошел род Лысенковых, а от мамы, она вышла потом за Ивана, родились пятеро братьев. Очень красивые люди были, просто красивые. И Иван еще, который родился в 1903 году, был призван в царскую армию и был гренадером, как мама рассказывала, при царе. Но потом, со временем, в революцию попал. Вторым и третьим братья, в общем, Владимир, Емельян, Федор; Владимир и Емельян после войны возвратились, прошли до Берлина. Емельян был весь изранен, приехал в Липецк, окончил институт и работал заместителем главного бухгалтера Липецкой магнитки. А Владимир остался в деревне, родил семерых детей и так и погряз в семье, будем говорить, но много рассказывал о войне, дожил до 86 лет. Они все — долгожители» (Валентина, 79 лет, пенсионер).

Особенности периодизации событий прошлого в семейном нарративе, как и в других типах коллективной памяти, связаны также и с неравномерностью распределения времени в процессе описания событий. В ситуации биографических интервью это особенно заметно в связи с увеличивающимся количеством описаний, которые начинают доминировать над рассказом. В данном случае описание — это своеобразная остановка рассказа, фокусировка на каком-либо ярком эпизоде или нескольких эпизодах. Они же, как правило, рассматривались респондентами в качестве значимых событий прошлого. Неравномерность распределения воспоминаний в пределах автобиографической памяти уже получило обстоятельное изучение. В частности, В. В. Нуркова, сопоставляя особенности включения исторических событий в линии жизни нескольких поколений респондентов, отмечает, что «включение исторической информации в автобиографическую память обусловлено не только объективной исторической значимостью событий и интенсивностью их воздействия на индивидуальный жизненный путь, но и некоторыми дополнительными факторами. К числу этих факторов относится совпадение исторически напряженного периода в жизни общества и особого временного интервала

в становлении автобиографической памяти, получившего в литературе название «пика воспоминаний» [12, 21]. С одной стороны, она исходит из посылки о том, что «нельзя утверждать, что память пожилых людей более исторична просто за счет того, что они жили дольше», а с другой стороны, ее исследование «пика воспоминаний» в разных возрастных группах показало, что события приобретают статус переломных только тогда, когда оказываются внутри особого возрастного периода, связанного с «пиком воспоминаний» и накоплением автобиографической информации. Вместе с тем оригинальная схема В. В. Нурковой, содержащая четыре психологические позиции по отношению к событию (участник, очевидец, современник, наследник), лишь в некоторой степени могла бы оказаться полезной в случае семейной памяти, когда большая часть информации оказывается связанной с трансляцией семейных нарративов старших родственников.

Сопоставляя рассказы представителей молодежной группы, нами были выявлены три наиболее повторяющихся вида эпизодов, представляющих собой описания и выделявшихся из рассказов. Первый вид был связан с собственными детскими воспоминаниями респондентов. Второй вид связывался с описаниями различных семейных традиций быта или досуга. Третий вид респонденты связывали с фигурой одного из старших членов семьи (отец, мать, бабушка, дедушка), личность и качества которого приобретали в большинстве рассказов черты мифологического героя, без действий которого жизнь семьи и рода не представлялась респондентам возможной. В данном случае в полной мере уместно говорить о феномене «кумулятивной героизации» (die kumulative Heroisierung), описанной в книге Гаральда Вельцера и посвященной восприятию старших родственников, живших во времена национал-социализма в Германии, поколением их детей и внуков. Немецкий ученый и его коллеги смогли показать, что воспоминания детей и в особенности внуков оказываются «более положительными», воспроизводя «субъективную потребность отвести дедушке или бабушке роль “хорошего” немца во времена нацистов» [28, 247].

В нашем случае героизация старших родственников, являясь похожей по форме,

оказывалась иной по содержанию. Так, одна из рассказчиц, характеризуя трудовые качества отца, резюмирует свое рассуждение следующей аргументацией: *«Не знаю, что бы мы без него делали. Я таких людей в своей жизни не встречала»* (Юлия, 18 лет, студентка). Другая рассказчица, переживая ранний уход отца из жизни, вообще делает его биографию в семейной истории своеобразной кульминацией семейной динамики. Сообщение о его смерти запускает ее собственный гипертекст жизненной истории, где, повествуя о своих успехах в школе, на олимпиадах и общественной активности, она ориентируется на высокие оценки ушедшего отца и стремится *«реализовать себя в жизни, достичь определенных высот, чтобы у моей семьи все было хорошо»* (Милена, 17 лет, школьница). В третьем случае основной гипертекст рассказа вообще позиционирует молодого человека в качестве синтеза удачной комбинации качеств его родителей, которые практически во всех эпизодах рассказа представлены как единое целое. Характерно, что рассказ завершается серией аргументаций, посвященных родителям и отношению к ним, крайняя из которых в большей мере напоминает официальное заявление: *«Я очень люблю своих родителей и советую всем, кто это увидит, услышит, прочтает, не знаю, в каком формате это будет, просто подойти к своим родителям, у кого у них все в порядке и у кого они все живы. Обнять их хорошенько и провести с ними как можно больше времени, хотя бы один день. Ну и по возможности вообще как можно чаще с ними видеться. У меня все»* (Сергей, 25 лет, педагог).

Несколько иной видится неравномерность распределения времени в рассказах следующей возрастной группы. В данном случае эпизоды остаются. Однако меняется их иерархия. В возрастной группе условных «родителей» (30–50 лет) наибольшее количество описаний находим в эпизодах о старших родственниках. Это по-прежнему отцы и матери, бабушки и дедушки, нравственные качества, военные подвиги и социальные роли которых наделяются мифологическим значением и героизируются в словах рассказчиков. Важным моментом, обращающим на себя внимание в этой возрастной группе, оказывается рост числа лиц, свидетельствующих о наличии

семейных архивов, генеалогических поисках, важных семейных реликвиях. И только потом мы обнаруживаем вторые по значимости описания семейных традиций и ритуалов, наиболее запомнившихся практик быта и досуга. Еще менее значительным является присутствие в рассказах описаний собственного детства.

В сравнении с молодежными интервью, где данные воспоминания доминировали, представители возрастной группы 30–50 лет в основном обращались к детским воспоминаниям либо в контексте рассказов о старших родственниках, либо в контексте описаний своих детей. Это позволяет нам говорить о том, что с возрастом человека объем его семейных воспоминаний начинает доминировать по отношению к собственному автобиографическому опыту при условии, что конструирование смысла прошлого остается именно за автобиографической памятью. В этой связи, сопоставляя зарубежный и отечественный опыт психологии памяти, В. В. Нуркова отмечает: «Основная функция автобиографической памяти, по К. Нельсон, — функция социальной солидарности. Автобиографические воспоминания существуют для того, чтобы разделять их с другими людьми (сначала с близкими взрослыми, а позднее и со всем человечеством). Эта точка зрения соответствует концепции Л. С. Выготского: через присвоение первоначально внешнего и разделенного со взрослым опытом воспоминания и рассказывания историй о своем прошлом создается конкретная социальная ситуация развития ребенка, которая позже охватывает широкий исторический и культурный контекст» [13, 244].

В возрастной группе 50 лет и старше мы обнаружили тенденцию, сходную с предшествовавшей возрастной группой 30–50 лет. Неравномерность распределения времени рассказа здесь также была связана в первую очередь со старшими родственниками семьи, образы которых оказывались частью трагических событий истории России первой половины XX в. Описывая бабушек и дедушек, а также родителей, абсолютное большинство наших рассказчиков (10 из 13 интервью) вводили в рассказы сведения о тяготах коллективизации, трагедиях раскулачивания, репрессий, эпизодах военного времени и трудностях послевоенного времени. Это в еще большей

степени способствовало героизации родственников, что отражалось в увеличении доли аргументаций в процессе рассказов о них. Вторым по значимости эпизодом воспоминаний для рассказчиков в возрастной группе 50 лет и старше оказывались рассказы о собственном детстве, опыте семейной жизни, детях и внуках. И только третьими по значимости были эпизоды, посвященные традициям быта и досуга, а также эмоционально насыщенным описаниям малой родины респондентов.

Подводя итоги первой части статьи, следует отметить, что проблемы динамики семейной памяти и трансформации ее образов продолжают оставаться значимым предметом *memory studies*. Это представляется особенно актуальным в свете «третьей волны» *memory studies*, актуализирующей изучение динамических эффектов общественных коммемораций, определяющих растущую пролиферацию культурных практик и смену режимов соотношения жизненного опыта и медиарепрезентаций. Самостоятельной проблемой при этом оказывается изучение самого ритма и специфики семейной темпоральности, а также ее взаимосвязи с дискурсивными практиками региональной медийной среды.

Представленная вниманию читателя статья является первой частью исследования и посвящена вопросам динамики времени в нарративах семейной памяти, особенностям хронологизации и периодизации событий семейной памяти трех поколений жителей г. Липецка. Фактор возраста имеет решающее значение как для особенностей динамики времени в семейной памяти, так и для хронологии и периодизации семейных событий. Было выявлено, что если в интервью представителей молодежной среды семейное время доминирует над социальным временем, то в старших возрастных группах нами был зафиксирован баланс времени социального и семейного. Это не означало, что рассказчики в большей мере повествовали о крупномасштабных исторических событиях в ущерб событиям семейной памяти. Исторические события оказывались важным и актуальным фоном разворачивания семейной хронологии и семейного времени. Существенным отличием проанализированных интервью в возрастной группе старше 50 лет также явилась большая степень персонализации времени

и стремление использовать стереотипные образы и культурной памяти для усиления не только оценочной, но и когнитивной составляющей рассказов. Доминирующим событием «исторического фона» во всех трех возрастных группах явилась Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Вторым по значимости элементом присутствия «исторического фона» в семейной памяти явились даты рождения рассказчиков и их старших родственников. При этом стремление называть дату рождения старших родственников в большей мере было характерно для средней и старшей возрастных групп.

Было выявлено, что наличие в семейной истории мифологизированных упоминаний о высоком социальном статусе предков оказывалось важным фактором расширения темпоральных границ семейной памяти, а также способствовало усилению роли и значения «исторического фона» семейной хронологии во всех трех возрастных группах. Также для всех трех возрастных групп общим было стремление

к «поколенческой периодизации». Разница между возрастными группами состояла только в усилении роли и значения «исторического фона», «большой истории» для описания событий динамики поколений семьи в интервью средней и старшей возрастных групп. В ходе исследования был подтвержден вывод Г. Вельцера о явлении «кумулятивной героизации» как важного фактора структурирования семейной темпоральности. В нашем случае элементы «кумулятивной героизации» были выявлены во всех возрастных группах, являясь результатом стихийной мифологизации одного или нескольких старших членов семьи. Это нашло отражение в неравномерности распределения времени рассказов. Неравномерность распределения времени в нарративах семейной памяти во всех трех поколениях липчан также оказалась связанной с эпизодами собственного детства, эпизодами, посвященными семейным традициям быта и досуга. Различие между возрастными группами состояло только в иерархии данных эпизодов.

Список литературы

1. Беспалова Ю. Нарративный поворот в социологии и проблема сохранения семейно-родовой памяти // Телескоп. 2015. № 3 (111). С. 21–24.
2. Васильева Е. В., Стрельникова А. В. Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 288–304.
3. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социол. исслед. 2017. № 3 (395). С. 123–133.
4. Городилина М. В. Диалог с историей своей семьи: зарубежный опыт исследования // Педагогика и психология образования. 2017. № 2. С. 110–119.
5. Журавлев В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология : 4 М). 1993–1994. № 3–4. С. 37.
6. Зевелева О. И. Биографический метод и дискурс-анализ: перспективы сочетания // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 7–39.
7. Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи / Ю. М. Васильев, Ф. А. Гайда, Д. В. Ефременко, А. В. Ломанов, А. И. Миллер, А. А. Тесля, А. Ф. Филиппов, Е. Э. Прокопчук // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 1 (101). С. 59–80.
8. Логунова Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 69–75.
9. Логунова Л. Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования : дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.11 — социальная философия. Кемерово, 2011.
10. Морозов И. А., Слепцова И. С. «Ключ от дома бабушки»: предметные и визуальные нарративы в пространстве семейной памяти // Сиб. ист. исслед. 2020. № 2. С. 276–297.
11. Николаи Ф. В. «Третья волна» memory studies: культурная память между опытом и репрезентацией // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 369–374.
12. Нуркова В. В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
13. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М. : Изд-во УрАО, 2000.
14. Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной памяти: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 147–156.
15. Печурина А. В. Увидеть необычное в обычном: исследования семейной фотографии // Социол. журн. 2010. № 2. С. 92–97.

16. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Издат. дом ВШЭ, 2012.
17. Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / общ. ред. В. М. Лоскутовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 110–146.
18. Чеканцева З. А. Событие историческое // Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. М. : АКВИЛОН, 2016. С. 430–432.
19. Чуйкина С. Биографическое интервью и социология памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 1. С. 291–308.
20. Attias-Donfut C., Wolff F.-C. Generational memory and family relationships // *The Cambridge Handbook of Age and Ageing*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005. P. 443–454.
21. Entangled memory: Toward a third wave in memory studies / G. Feindt, D. Mehler, F. Pestel, F. Krawatzek, R. Trimçev // *History and Theory*. 2014. № 53 (Febr.). P. 24–44.
22. Erll A. Locating family in cultural memory studies // *Journal of Comparative Family Studies*. 2011. Vol. 42, № 3. P. 303–318.
23. Hirsch M. Family frames: Photography, narrative, and postmemory. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997.
24. Huisman D. M. Telling a family: family storytelling, family identity, and cultural membership : thesis. ... doct. of philosophy. The University of Iowa, USA, 2008.
25. Hutton P. H. The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2016.
26. Keppler A. Tischgespräche: Über Formen kommunikativer Vergemeinschaftung in Familien. Frankfurt a/Main : Suhrkamp, 1994.
27. Kölbl C., Schrack A. Geschichtsbewusstsein intergenerational // *Journal für Psychologie*. 2013. Jg. 21. Ausgabe 2. S. 1–28.
28. «Opa war kein Nazi»: Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis / H. Welzer, S. Moller, K. Tschuggnall (Hrs.). Frankfurt a/Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 2002.
29. Schütze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens // *Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven* / M. Kohli, G. Robert (eds.). Stuttgart : Metzler, 1984. S. 78–117.
30. Schütze F. Biographieforschung und narrative Interview // *Neue Praxis*. 1983. H. 3. S. 283–293.

References

1. Bepalova, Y. (2015). Narrativnyj povorot v sociologii i problema sohraneniya semejno-rodovoj pamyati [Narrative turn in sociology and the problem of preserving family-ancestral memory]. *Teleskop*, 3 (111), 21–24.
2. Vasil'eva, E. V., Strel'nikova, A. V. (2012). Biograficheskaya pamyat' gorodskih semej: opyt analiza fotoal'bomov [Biographical memory of urban families: the experience of analyzing photo albums]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie*, 2 (82), 288–304.
3. Golovashina, O. V., Linchenko, A. A., Anikin, D. A. (2017). Pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne: Den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the historical consciousness of Russians]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 3 (395), 123–133.
4. Gorodilina, M. V. (2017). Dialog s istoriej svoej sem'i: zarubezhnyj opyt issledovaniya [Dialogue with your family history: foreign research experience]. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*, 2, 110–119.
5. Zhuravlev, V. F. (1994). Narrativnoe interv'yu v biograficheskikh issledovaniyakh [Narrative interviews in biographical research]. *Sociologiya: 4 M*, 3–4, 34–43.
6. Zeveleva, O. I. (2014). Biograficheskij metod i diskurs-analiz: perspektivy sochetaniya [Biographical Method and Discourse Analysis: Prospects for Combination]. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 39, 7–39.
7. Vasil'ev, Y. M., Gajda, F. A., Efremenko, D. V., Lomanov, A. V., Miller, A. I., Teslya, A. A., Filippov, A. F., Prokopchuk, E. E. (2020). Istoricheskaya pamyat' — eshche odno prostranstvo, gde reshayutsya politicheskie zadachi [Historical memory is another space where political problems are solved]. *Rossiya v global'noj politike*, 18, 1 (101), 59–80.
8. Logunova, L. Y. (2014). Semejno-rodovaya pamyat': vremennye ipostasi i social'nye resursy [Family and tribal memory: temporary hypostases and social resources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 379, 69–75.
9. Logunova, L. Y. (2011). *Social'no-filosofskij analiz semejno-rodovoj pamyati kak programmy social'nogo nasledovaniya* [Socio-philosophical analysis of family-tribal memory as a program of social inheritance] (doctoral dissertation). 09.00.11 — social'naya filosofiya. Kemerovo.
10. Morozov, I. A., Slepцова, I. S. (2020). «Klyuch ot doma dedushki»: predmetnye i vizual'nye narrativy v prostranstve semejnoy pamyati [«The key to grandfather's house»: subject and visual narratives in the space of family memory]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2, 276–297.
11. Nikolai, F. V. (2018). «Tret'ya volna» memory studies: kul'turnaya pamyat' mezhdru opytom i reprezentacij [«The third wave» of the memory studies: cultural memory between experience and representation]. *Dialog so vremenem*, 63, 369–374.
12. Nurkova, V. V. (2009). Istorija kak lichnyj opyt [History as a personal experience]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*, 1, 5–27.
13. Nurkova, V. V. (2000). *Svershyonnoe prodolzhaetsya: psihologiya avtobiograficheskoy pamyati lichnosti* [The accomplished continues: the psychology of the autobiographical memory of the personality]. M.: Izd-vo URAO.
14. Omelchenko, E. L., Andreeva, Y. V. (2017). Chto ostaetsya v semejnoy pamyati: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokolenij [What remains in family memory: memory of the Soviet through the conversation of three generations]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 11, 147–156.
15. Pechurina, A. V. (2010). Uvidet' neobychnoe v obychnom: issledovaniya semejnoy fotografii [Seeing the Uncommon in the Ordinary: Family Photography Research]. *Sociologicheskij zhurnal*, 2, 92–97.

16. Rozhdestvenskaya, E. Y. (2012). *Biograficheskiy metod v sociologii* [Biographical method in sociology]. М.: Izdatel'skiy dom VSHE.
17. Tompson, P. (2003). Semejnij mif, modeli povedeniya i sud'ba cheloveka [Family myth, behavior patterns and human destiny]. In V.M. Loskutovoj (ed.). *Hrestomatiya po ustnoj istorii*, 110–146. SPb.: Izd-vo Evrop. Un-ta v S.-Peterburge.
18. Chekanceva, Z. A. (2016). Sobytie istoricheskoe [Sobytie istoricheskoe]. In *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'*, 430–432. М.: AKVILON.
19. Chujkina, S. (2004). Biograficheskoe interv'yuu i sociologiya pamyati [Biographical interview and the sociology of memory]. *Ab Imperio*, 1, 291–308.
20. Attias-Donfut, C., Wolff, F.-C. (2005). Generational memory and family relationships. In *The Cambridge Handbook of Age and Ageing*, 443–454. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
21. Feindt, G., Mehler, D., Pestel, F., Krawatzek, F., Trimçev, R. (2014). Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*, 53 (Febr.), 24–44.
22. Erll, A. (2011). Locating family in cultural memory studies. *Journal of Comparative Family Studies*, 42, 3, 303–318.
23. Hirsch, M. (1997) *Family frames: Photography, narrative, and postmemory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
24. Huisman, D. M. (2008). *Telling a family: family storytelling, family identity, and cultural membership* (doctoral dissertation). The University of Iowa, USA.
25. Hutton, P. H. (2016). *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing*. N. Y.: Palgrave Macmillan.
26. Keppeler, A. (1994). *Tischgespräche: Über Formen kommunikativer Vergemeinschaftung in Familien*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
27. Kölbl, C., Schrack, A. (2013). Geschichtsbewusstsein intergenerational. *Journal für Psychologie*, Jg. 21. Ausgabe 2. S. 1–28.
28. “Opa war kein Nazi”. Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis (2002) (H. Welzer, S. Moller, K. Tschuggnall, Hrs.), Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
29. Schütze, F. (1984). Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens. In M. Kohli, G. Robert (eds.), *Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven*, 78–117. Stuttgart: Metzler.
30. Schütze, F. (1983). Biographieforschung und narrative Interview. *Neue Praxis*, 3, 283–293.

Сведения об авторе

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал), г. Липецк, Российская Федерация

Information about the author

Andrey A. Linchenko, Cand. Philos. (Eng.), Research Associate Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk branch, Lipetsk, Russian Federation